Ю. А. Шкураток, Е. М. Матвеева

ИСКОННЫЕ И ЗАИМСТВОВАННЫЕ ГЛАГОЛЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ВСТРЕЧУ С ДУШАМИ УМЕРШИХ, В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье исследуется, каким образом представления коми-пермяков о душах умерших реализуются в устных нарративах, какие языковые средства активизируются в данных текстах, в какой степени русские заимствования проникают в коми-пермяцкий язык. В качестве основного метода используется контекстуальный анализ, который направлен на описание языковых особенностей, отражающих связи языка и духовной культуры коми-пермяков. Представления о душе у коми до сих пор сохраняют свою специфику: считается, что у человека существует две души – *лов* и *орт*. Первая – это «внутренняя» душа, душа-дыхание, выходящая из тела во время смерти, вторая – это «внешняя» душа-тень, двойник человека, который может стать видимым перед его смертью. У современных коми-пермяков нет четких представлений о двух формах души, хотя сохраняются нарративы о различных предвестниках смерти, в том числе и о «двойниках». В коми-зырянском языке помимо исконного слова *орт* в диалектах фиксируется также слово *урѳс*: у коми-ижемцев это слово обозначает персонажа, близкого к душе *орт*. Лексема *урѳс* известна также и коми-пермякам: у кочевцев она употребляется в текстах о предвестниках смерти, у обрусевших оньковцев это «привидение», появляющееся перед смертью. Душа умершего остается в доме до 40-го дня (шести недель). Она проявляет себя различными звуками, для описания которых в коми-пермяцком языке существует богатая система ономапоэических средств. Кроме того, в рассказах о проявлении души умершего встречаются и русские заимствованные глаголы со значением ‘мерещиться, чудиться’ *блзні́тны*, *вержі́тчыны*, *верші́тчыны*, *вѳржі́тчыны*, *прикаі́йтчыны*, а также исконный глагол *казьмѳтчыны* ‘напомнить о себе, дать знать о себе’, при этом последний глагол имеет более конкретное значение и употребляется также и в прямом значении. По всей видимости, основной причиной заимствования коми-пермяцким языком русских диалектных глаголов обманчивого восприятия является их абстрактный характер, отвлеченность от конкретных проявлений (чаще всего звуковых), которыми описывается появление душ умерших в коми-пермяцком языке.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, душа *орт*, душа *лов*, ономапоэическая лексика, мерещиться

Введение

В устной традиции как коми-пермяков, так и русских, проживающих на территории Пермского края, до сих пор бытует обширный пласт нарративов о встречах с душами умерших. В различное время диалектологическими и фольклорными экспедициями двух университетов Перми – Пермским государственным и Пермским педагогическим (сейчас ПГНИУ и ПГГПУ), а также экспедициями, которые были осуществлены авторами в 2022–2023 гг. в рамках проекта по изучению похоронно-поминальной обрядности коми-пермяков и русских на территории Коми-Пермяцкого округа Пермского края, был записан большой корпус таких текстов.

Представления о душах умерших у коми

Несмотря на долгую историю взаимодействия коми-пермяков и русских в этом регионе, представления о душе у коми-пермяков сохраняют свою специфику до сих пор. Данная специфика прежде всего заключается в том, что, по народным воззрениям, у человека существует две формы души – *лов* и *орт*. На это указывают все источники, начиная с первой попытки систематизировать представления коми о смерти, осуществленной В. П. Налимовым в статье «Загробный мир по верованиям зырян» (Налимов, 1907).

Энциклопедия «Мифология коми» отмечает, что во время «смерти единое человеческое существо как бы распадается на три составляющие: *шой* „тело, труп“; *лов* „душа-дыхание“; *орт* „душа-тень, двойник“. Одновременно создается образ покойного – *кулѳма* „умерший“.

объединяющий как представления о посмертном состоянии тела, так и о душах **лов** и **орт**» (Лимеров, 1999а: 215).

Различия между **лов** и **орт** формулируются следующим образом: «**лов** – одна из душ человека наряду с **орт**. **Лов** считается „внутренней“ относительно „орт“ душой человека» (Лимеров, 1999б: 226). Считается, что эта душа находится в голове (черепе) (Налимов, 1907: 4). П. А. Сорокин в одной из своих ранних работ (1910) пишет: «*Лов* – душа, буквально значит „дыхание“. „*Лолалё*“, – говорят зыряне про дышащего человека, следовательно, душа представляется зырянам как дыхание, дуновение. Когда человек умирает, они верят, что душа выходит из тела как нечто воздушное, эфирное, прозрачное. <...> Полную аналогию с данным представлением души находим мы у ближайших сородичей зырян – вотяков и пермяков. И у них душа обозначается словом *лул* (зыр. *лов*), и смерть обозначается также словом *лул петон* (*лов петём*) – выход, уход души...» (Сорокин, 2011: 25). В связи с этим кто-то из родственников должен был ожидать «*лов петём* букв. „дыхания выход“, чтобы, проверив зеркалом или гладким металлическим предметом отсутствие дыхания, правильно уложить покойника и закрыть ему глаза и рот» (Уляшев, 1999: 215).

На наличие двух душ – **орт** и **лов** – указывал и В. В. Климов, известный исследователь и публикатор коми-пермяцкого фольклора, хотя их различие он трактует несколько иначе. В этнографической работе «Корни бытия» он писал, что, «когда человек умирает, от его тела отделяется невидимая и невесомая часть, заключенная в прозрачную оболочку, – **орт**. Древние считали его невидимым двойником живого, его точной копией. ...слово „орт“... теперь уступило свое место слову „лов“ (душа), хотя они отличаются по смыслу: **лов** – это нечто энергетическое, животворящее, а **орт** – блеклая тень, призрак живого. У слова „лов“ большое родство, а „орт“ одинок, как валун в поле» (Климов, 2007: 206). **Лов** поднимается на небеса, а **орт** вместе с телом уходил на кладбище и потом в подземный мир (там же).

Исследовательница похоронного обряда С. В. Чугаева приходит к выводу, что у современных коми-пермяков отсутствуют понятия о двух формах души **лов** и **орт**, хотя тексты и некоторые косвенные свидетельства позволяют говорить о душе **орт** и у коми-пермяков (Чугаева, 2015: 13–14).

Наши наблюдения показали, что в речи коми-пермяков слово **орт** ‘двойник, призрак’ в настоящее время не фиксируется, нет также исторических свидетельств о его существовании в коми-пермяцких диалектах в прошлом, но при этом по-прежнему можно услышать нарративы о встрече с «двойниками». Например, в 2023 г. был записан такой текст: [*Эз висьтасьлө, что мыйкө прикашайтчө?*] *Гудөк ыбыс пө ползьөтчө*. <...> *Мунөма пө сэтчин чарымыс кузя <...> и адззылөма соседсө, война выльсь локтө. Гортө пө локтөм да инькаыслө висьталөм: «Тэат, – пө, – көзяиньт гортө локтө, Гудөк ыбись адззылі». А сылө почтальонкаыс похоронка вайөма сіа лунө*. [Не говорили, что что-то мерещится (*прикашайтчө*)?] (Гудэк поле, говорили, пугает. <...> Ушла, говорят, туда по насту <...> и увидела соседа, с войны идет. Домой, говорит, пришла и его жене сказала: «У тебя, – говорит, – твой хозяин домой идет, на Гудэк поле видела». А ей почтальонка похоронку принесла в этот день) (Демина Коч., ПМ).

Слово **лов** ‘душа’ возводят к допермскому **lewle* ‘дыхание’, по мнению исследователей, оно является ономаатопеей, так как в конечном счете восходит к звуку дыхания (Шляхова, Лобанова, 2012: 36). Современные носители коми-пермяцких диалектов, помимо слова **лов**, активно используют и русское заимствование *душа*.

Слово **орт** ‘двойник, призрак’, уст. поэт. ‘тень’ сравнивается с удм. *урт* ‘душа’ и возводится к допермскому **orte* (КЭСКЯ, 1970: 208). В коми-зырянских говорах оно фиксируется не повсеместно, у ижемских коми антропологические представления о душе-тени, душе-двойнике обозначаются *урөс/урес*, у печорских – *душенька* (Панюков, 2012: 38).

Еще более сложный процесс дифференциации представлений о душе наблюдается у ижемских коми на Кольском полуострове, где различаются три персонажа – *душенька*, *шуд* и *урес*.

Душенька – невидимый дух, приходящий на поминки к родственникам умершего, шуд – видимый дух, являющийся копией своего двойника, извещает о счастье, обеспеченности хозяина, урес – видимый и невидимый дух, предвестник смерти (Рочев, 1986: 63).

Так же как и в верхнесысольском, нижневычегодском и удорском диалектах коми-зырянского языка (СДКЯ, 2: 665), в кочевском диалекте коми-пермяцкого языка слово *урӧс* означает ‘беда, несчастье’: *Урӧс – сіа кытшиӧмкӧ урон лоас хозяйствоат: или со здоровьем, или подакӧт. <...> Можот, керку сотчас или мый. Вот сэтиӧм. Умӧль мыйкӧ* (Урос – это какой-то урон будет: или со здоровьем, или со скотом. <...> Может, дом сгорит или что. Вот такое. Плохое что-то) (Кочёво, ПМ).

Кроме того, рассказы о «привидении» *урӧс*, которое появляется перед смертью кого-то из близких, были нами записаны от жителей Юсьвинского района на территории распространения бывшего оньковского диалекта южного наречия коми-пермяцкого языка в 2023 г.: *А это вот говорили, значит, урос тебя это делал, как виденьё, ли чё ли како-то, не знаю, это привиденьё как* (Они Юсьв., ПМ). *И вот это, пока, говорит, я до другого берега не дошла, ну это, где в лодку садятся, и вот тогда, grit, вот только перестало, по берегу, говорит, шла, так деревья-те всё качало, шумело. Вот это, говорит, урос. Это урос такой, привидение. И, по-моему, это привидение повлияло, что умер сын* (Потапово Юсьв., ПМ).

На Выми записаны былички, где встречается термин *кыж*, который обозначает персонажа, берущего на себя некоторые функции орта: «Если *орт* – видимый дух, копия двойника, то *кыж* – существо невидимое, оно извещает о смерти своего двойника шумовыми действиями, но само людям не показывается» (Рочев, 1986: 64).

Таким образом, вторая душа, душа-тень может показаться в виде двойника, т. е. быть воспринимаемой зрением, а может быть невидимой, но проявляющей себя различными звуками и воспринимаемой органами слуха.

Помимо этого, в некоторых локальных традициях коми-зырян задействуется и тактильное восприятие, невидимость души орта коррелирует с представлениями о синяках, которые появляются на теле родственника умирающего человека. «Считается, что щиплет до синяков орт человека, который должен умереть. Парные щипки указывают на количество предстоящих смертей: сколько пар – столько будет покойников» (Лимеров, 1999в: 268). Появление таких представлений свойственно и другим народам, в частности Л. Н. Виноградова и А. В. Гура на славянском материале писали о «тактильных» проявлениях мифологических персонажей и «взаимном притяжении» глаголов со значением интенсивного способа действия тактильной и звуковой сферы (Виноградова, Гура, 2021: 34).

У души *лов* можно выделить четыре аспекта ее функционирования: во-первых, это «жизненная субстанция, связанная с дыханием, обеспечивающая нормальную жизнедеятельность не только человека, но и других живых организмов», в этом аспекте она безличностна; во-вторых, это душа, уходящая после смерти в ад или рай, включающая в себя личностные характеристики умершего, данное представление связано с православным христианством; в-третьих, душа умершего, которая также является образным воплощением покойного и уходит в мир предков; в-четвертых, это «душа реинкарнирующая, перевоплощающаяся в различные формы природной жизни». При этом единство этих аспектов «определяет целостность образа *лов* и устойчивость этого образа в традиционном мировоззрении» (Лимеров, 1998: 8).

Выражение *лолыс петіс* (букв. ‘душа вышла’) можно часто обнаружить в коми-пермяцком языке: [*Лолыс кыті петӧ?*] *Ӧмӧть. Не весь эд шуӧны «лолыс петіс»* ([Душа откуда выходит?] Из рта. Не зря ведь говорят «душа вышла») (Ёгва Куд./род. Трепезник Куд., ПМ). *Тійӧ шуӧ токо мунітӧ, шондӧыс шуӧ эз и пуксы, сіа шуӧ куис. Вовыс петіс* (Вы только, говорит, ушли, солнце, говорит, еще и не село, она, говорит, умерла. Душа вышла) (Ёгва Куд., ПМ).

Лолыс петіс – не единственный фразеологический оборот с компонентом *лов* ‘душа’. А. С. Кривощёкова-Гантман писала: «Во многих фразеологических сращениях отражены

отжившие представления о явлениях и вещах объективной реальности. ...смерть представлялась лишь актом выхода из тела человека души: *лолыс петіс* ‘умер’ (букв. ‘душа его вышла’); *лов петкӧтны* ‘присутствовать при смерти’ (букв. ‘помогать выходу души из тела’); *лов босьтны* ‘убить’ (букв. ‘взять душу’); *лов пуктыны* ‘отдать жизнь’ (букв. ‘душу положить’); *лолыс абу* ‘мертв’ (букв. ‘души нет’). В настоящее время в перечисленных фразеологических оборотах полностью утрачена связь общего значения с первоначальными значениями составляющих их компонентов» (Кривощёкова-Гантман, 2006б: 197–198).

Душа, по мнению коми-пермяков, живет в доме в течение 40 дней (или шести недель): *Сіа мунӧ, кӧр котома мӧдӧтӧнӧ. 40 дней. Сіа 40 днейнас мунӧ* (Она уходит, когда котому отправляют. 40 дней {живет}. Она на сороковой день уходит) (Кукушка Коч., ПМ). *Кыдз бы до шести недель олӧ керкуас, а потом после шӧсьти недель уже сіа ӧтӧ, кыдз шуньтӧ, кольлалӧны* (Как бы до шести недель живет в доме, а потом после шести недель уже она это, как сказать-то, провожают) (Ёгва Куд./род. Шорйыв Куд., ПМ).

Ономатопеическая лексика в текстах о душах умерших

Для описания звуков, которые сопровождают появление невидимой души, используется ономатопеическая лексика. Данный лексико-грамматический класс слов¹ широко представлен в коми-пермяцком языке. В ходе анализа полевых материалов были найдены многочисленные звукоподражательные глаголы, «парные глаголы», один из которых восходит к ономатопее, конструкции, включающие звукоподражание и глагол, как лексически ослабленный *керны* (букв. ‘делать’), так и лексически полнозначный.

В традиции коми-зырян различные шумы, которые трактуются как предвещающие смерть родственника, связываются с появлением души-тени: «орт умирающего вдали от дома человека возвращается на родину и дает знак родственникам о предстоящей смерти. В этом случае родственники слышат, как хлопает дверь, звук шагов. ...шум на чердаке или в голбце, стук в двери, жужжание веретена, звяканье тарелок на посудной полке и т. п.» (Лимеров, 1999в: 268).

В рассказах коми-пермяков также встречаются подобные сюжеты, но душа, возвращающаяся на родину, никак не называется, а ее появление описывается звукоподражаниями: *Вот дедӧ вӧи куӧма Сибирас. <...> Кинкӧ – ярс-ярс-ярс-ярс-ярс – муніс и керку ыбӧсвас – трин – и всё. «Ме, – пӧ, – кыдзи повзи и пукаа. Но! Эз тайнӧ керкуас пыр!» <...> И вот видзӧтасӧ – кытӧнкӧ сколько-то минут двенадцатое, а пятоо марта. И сэсья письмоыс дедӧсянь воктас: куас пятоо марта в двенадцатом часу... (Вот дед умер в Сибири. <...> Кто-то – ярс-ярс-ярс-ярс-ярс – прошел и во входную дверь – трин – и все. «Я, – говорит, – испугалась и сижу. Ну! Никто не зашел в дом!» <...> И вот посмотрели – где-то сколько-то минут двенадцатого, пятое марта. И потом письмо от деда (т. е. от его родственников) пришло: умер пятого марта в двенадцатом часу...)* (Ошиб Куд., Материалы, 2020: 123–124).

В рассказах о моменте смерти информанты воспроизводят слышимый ими звук, который издает умирающий, и этот звук они связывают с выходом души: *Но ме даже вот адззылі, кӧр мортыс куліс. Сіа токо «ам» керис, и сӧ – лолыс петіс. Шуӧны «лолыс петіс»* (Но я даже вот видела, когда человек умирал. Он только «ам» сделал, и все – душа вышла. Говорят, «душа вышла») (Ёгва Куд./род. Белоево Куд., ПМ). *И вот в один момент сіа вот: «Х-х-х!» Вот эттишӧма керышитіс и всё, мийӧ больше эг понӧ керны. Может, былъ, на самом деле сіа или вовыс сӧн сіа петіс, или просто воздухыс, можот, вӧи лӧгкӧяс, что петіс. Ме ог тӧд. Но вот сідз вот: «Х-х-х». Кыдз быттӧ вот сӧ пӧ вот. Сӧ, последнӧй вӧйс пӧ ведзи (И вот в один момент она вот: «Х-х-х!») Вот так сделала и все, мы больше не стали делать {искусст-*

¹ В коми-пермяцком языке их принято называть изобразительными словами (термин А. С. Кривощёковой-Гантман). См. подробнее об этом: Кривощёкова-Гантман А. С. Изобразительные слова // Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. Грамматика, диалектология, лексика и фразеология, проблемы развития языка. Пермь: ПГПУ, 2006а. С. 39–56.

венное дыхание}. Может, правда, на самом деле это или душа ее, она вышла, или просто воздух, может, был в легких, что вышел. Я не знаю. Но вот так вот: «Х-х-х». Как будто вот все, мол, вот все, последнюю душу, говорит, выпустила) (Ёгва Куд., ПМ). *Но вот сэттиём тайно́ вздохыс съо́кыт, топ тайно́ сэттиём сия вот кыдз гора, гора о́ддён вöи, ну. «Ух!» – этадз вот. О́ддён съо́кыта, вот этадз сылön петис, чисто страшно, чисто челядьö саймыисö* (Но вот такой, оказывается, вздох тяжелый, словно, оказывается, такая она вот как громкая, громкая очень была, ну. «Ух!» – так вот. Очень тяжело, вот так у нее вышла, даже страшно, даже мои дети проснулись) (Ёгва Куд./род. Трезник Куд., ПМ).

В доме, где лежит покойник, ставят стакан с водой и на стакан кладут хлеб. Некоторые информанты утверждают, что стакан с водой ставят еще до смерти человека (когда ждут «выхода души»), чтобы она вышла и сразу омылась. Например: *Ышö мукöдпырсяас сувтöтöны васö стаканöн или банкаöн, или мыйöнкö дозакöн. Мортыс ышö токо вöсьöтчö кувны, и сия шуö только «бульк» керис. Сия душаыс пыравис сэтчин и омылась кыдз сийöн ванас* (Еще иногда ставят стакан с водой или банку, или с какой-то емкостью. Человек еще только собирается умереть, и она, говорят, только «бульк» сделала. Это душа заходила туда и омылась как этой водой) (Ёгва Куд., ПМ). Процесс омовения души описывается с помощью звукоподражательного заимствованного слова *бульк* в значении ‘бултыхнуть, плеснуть, булькнуть’, который употребляется с лексически ослабленным глаголом *керис* (КПРС, 1985: 45).

Большую группу в проанализированных текстах составляют звукоподражательные глаголы, обозначающие стук, гроыхание, грохотание, которые производит душа человека в течение 40 дней (или шести недель) пока она остается дома: часто используется глагол *гольыны* и его словоформы *гольöны, гольöтöны* ‘стучать, грохотать’. Данные глаголы образованы от первого компонента звукоподражательного слова *голь-бряк*, которое «подражает сильному стуку, грохоту» (КПРС, 1985: 101) и суффиксов *-ль-, -öt-*. С синонимичной семантикой ‘с силой стукнуть’ обнаруживает себя в контекстах звукоподражательное слово *гольк-гольк*, употребляемое с лексически ослабленным глаголом *керны* (букв. ‘делать’): *А ме вот, допустим, пета кыдз öтöрас посöдзöттис, а мян кыдз лисниэсö ведзчыштан, дак сэтöн плакэс гольöтöны кыдзи бы. Этчинö оградаваняс муна, а сия {ловыс} бöрсяням мый гольк-гольк керас* (А я вот, допустим, выйду как на улицу через крыльцо, а у нас как лестницы спустишься, дак там плахи **стучат** как бы. Туда в сторону ограды пойду, а она {душа} за мной что **с силой стукнула**, сделала) (Ёгва Куд./род. Гуляева Куд., ПМ).

Сильный стук также является признаком того, что душа ушла из дома на 40-й (42-й день) во время ритуала проводов души: *Вот, например, мыйкö стукнитас или тэ проспишь пять часов, или шестойвас, дак вермас ёркнитны или кытчöкö стук керны, признаксö сетö* (Вот, например, что-то **стукнет** или ты проспишь пять часов, или на шестой, дак может **издать сильный грохот**, или куда-то **стук сделать**, признак дает) (Дёмино Коч., ПМ). Глагол *ёркнитны* ‘стукнуть, грохнуть, загреметь чем’ (КПРС, 1985: 138) образован от звукоподражательного слова *ёрк-ёрк* (‘подражание стуку, шуму, беготне’) (Кривощёкова-Гантман, 2006а: 46) с помощью суффикса *-нит-*.

Имеется еще один изобразительный глагол со значением ‘стукнуть, ударить’ – *камнитис*: *И тетя Сашаыс тожö, сия посöдзын узис. Сия шуö камнитис кинкö* (И тетя Саша тоже, она в сенях спала. Она, говорит, **сильно ударил** кто-то) (Ёгва Куд., ПМ). Глагол *камнитис* образован от звукоподражательного слова *кам* (‘подражание сильному стуку, ударам’) (КПРС, 1985: 164) и словообразовательного суффикса *-нит-*.

В коми-пермяцком языке среди звукоподражаний достаточно много редупликаций и парных слов. Они также присутствуют в текстах о звуковом проявлении души умершего: *Куйва диванвас, сия шуö ёлочной игрушкиэсö только жилия-жоля, жилия-жоля шуö воисö* (Лежу на диване, он, говорит, елочные игрушки только **звеня** {трогает}, **звон издавать**, говорит, стали) (Ёгва Куд., ПМ). *И до сорока дней тожö теткаö кыллöм, кыдз сия умывальникнас*

жольётчö-миссьö нö (И до сорока дней тоже моя тетка слышала, как он умывальником **звонит-моется**, говорит) (Ёгва Куд./род. Кочёво, ПМ). В выявленном нами парном глаголе **жольётчö-миссьö** (букв. ‘звонит-моется’) употребляется звукоподражательный глагол **жольётчö** «звонит», который уточняет действия глагола **миссьö**.

Души умерших при движении могут издавать самые разные звуки, например скрипеть половицами. В коми-пермяцком языке имеется изобразительное слово **дзурк**, которое обозначает подражание «скрипу двери, пола, телеги, обуви» (Кривощёкова-Гантман, 2006а: 44). От него с помощью уже отмеченного выше суффикса **-нит-** образовался изобразительный глагол **дзуркнитис** в значении ‘скрипеть’, кроме того, информантами используется также заимствованный из русского языка глагол **скрипитис**: *А сія ветвётвыввис, и ныён полыс скрипитис* (А он похаживал, и у них пол **поскрипывал**) (Ёгва Куд., ПМ).

Душа может издавать звуки, используя не только бытовые предметы, но и имеющиеся музыкальные инструменты, на которых играл человек при жизни, она сохраняет все его привычки и навыки: *Видно, пуксис орсны гармошкаён. [Этö душаыс сылён локтис?] Дак сіа эд сорочиньöдзас оз мун, сіа гортын. И вот сіа пуксис стулыс вылö, видно, и гармошканас дзуркнитис. А мамö сэсся лöгасис да: эты мымда челядьён нö колин да ышö нö польвётчан? И гармошкасö сэсся вузаліс, чтоб эз орс* (Видимо, сел играть на гармошке. [Это душа у него пришла?]) Дак она ведь до сорочин не уходит, она дома. И вот он сел на стул, видимо, и гармошкой **скрипнул**. А моя мама потом разозлилась да: со столькими детьми, говорит, оставил и еще, говорит, пугаешь? И гармошку потом продала, чтоб не играл) (Кукушка Коч., ПМ).

В некоторых рассказах передвижение души описывается очень детально, при помощи целого ряда различных звукоподражаний, в данном тексте – последовательно воспроизводится звук хлопанья двери, звук, который издают кирзовые сапоги при ходьбе, скрип сидений: *Уджали скорöйын, и мян вöлі больница. <...> Кыла, мян сэтчин кык ыбöс вöлісö, и кык ыбöс, и ёна öддöён шваткötисö. Первöй ыбöссö кинкö осьтис – шват токо игналис! Мöд ыбöссö осьтис – шват токо игналис! И кыла, кирзöвöй сапоггез, начит, – тарс-тарс, тарс-тарс, тарс-тарс. Локтис ме дынöдз, этчö ыбöсыс дынöдз локтис, пуксис дзурк-вирк. Миян вöлісö сиденнез сэтшиömöсь, дзурк-вирк. Ме пукала и, начит, шуа, мыся: «Кин нö?»» (Я работала в скорой помощи, и у нас была больница. <...> Слышу, у нас там две двери были, и две двери эти очень сильно хлопали. Первую дверь кто-то открыл – **хлоп!** – потом закрыл! Другую дверь кто-то открыл – **хлоп!** – потом закрыл! И слышу: кирзовые сапоги, значит, – **тарс-тарс, тарс-тарс, тарс-тарс**². Дошел до меня, сюда до двери дошел, сел – **скрип-скрип**. У нас были сидения такие, **скрип-скрип**. Я сижу и, значит, говорю: «Кто {там}?»») (Материалы, 2020: 123–124).*

Далее этот рассказ был продолжен на русском языке: «Слышали вот в этом, значит, где я работала на скорой, в окнах видели мертвых. Те, значит, мужчины или женщины, которые уже умерли, они показывались в окнах, которых тут резали, якобы. Но я этому, конечно, не верила. Слышалась музыка: гармошка, значит, играла, пляски какие-то. Вот это говорили» (Материалы, 2020: 123–124). И здесь души умерших занимаются своими обычными делами, которые не свойственны для находящихся в больнице людей, – веселятся, играют на гармошке и пляшут.

Душа умершего способна не только издавать шумы, но и физически передвигать предметы, и это движение сопровождается звуками. Например: *И сіа сэж öтик ойö, видзöт... Саймис, мамö саймис. Сіа гыж токо стул веитышитис* (И он тогда в одну ночь, смотри... Проснулась, моя мама проснулась. Он с **царапанием** стул немного **подвинул**) (Кукушка Коч., ПМ). В этом контексте звукоподражательное слово **гыж** (‘подражание звукам, сопровождающим царапание, чесание’) (КПРС, 1985: 111) употребляется вместе с полнозначным глаголом **веитышитис** (букв. ‘передвинул’). В выражении **гыж веитышитис** ‘передвигать с царапанием’

² Ономастическая лексика в коми-пермяцком языке представлена богаче, чем в русском языке, по этой причине звукоподражания, для которых не нашлось аналогов в русском языке, в данном сборнике мифологической прозы оставлены без перевода.

звукоподражательное слово *гыж* передает конкретный характер звука, возникшего при передвижении стула. Звукоподражание *гыж* можно сопоставить с терминологизированным у вымских коми-зырян словом *кыж* – «некий знак, предвещающий смерть близких: стук, падение предметов в доме и т. п. (Половники, Княжпогост)» (Панюков, 2012: 38).

Использование ономатопеической лексики в текстах о встречах с душами умерших типично не только для коми-пермяцкой устной речи, но и для русской диалектной речи, хотя лексический состав этой группы слов в русском языке менее разнообразен и их грамматические свойства различны. В д. Елога Юрлинского района в 2016 г. был записан текст о том, как духи-помощники колдуна в облике умершего приходят к его родственникам: *Митрошиха умерла <...>. Тун-тун-тун-тун-тун-тун идёт, говорит, посмотрю, grit, ноги, grit, как коровьи ноги. <...> Ну как бы дух еёный все равно ходит, икоты, она как никому не передала, вот* (Елога Юрл., ФДА ПГНИУ).

В русских мифологических рассказах также фиксируются сюжеты, где после смерти человека слышатся шаги, скрип половиц. Типичными для славянских традиций можно считать представления, где звуки являются признаком того, что умершие приходят, чтобы поесть оставленную для них поминальную пищу (Виноградова, 1999: 184).

Глаголы «обманчивого восприятия» в текстах о душах умерших

Помимо ономатопеической лексики, в текстах о душах умерших встречаются и так называемые глаголы неуверенного и обманчивого восприятия. На эту группу лексики обращали внимание исследователи коми-пермяцкой и русской демонологии и ранее, но на материале коми-пермяцкого языка она не становилась предметом специального рассмотрения. Например, этнограф Т. Г. Голева пишет, что для обозначения появления умершего лица коми-пермяки «чаще употребляют слова *пользётё* (лит. *повзётё*. – Ю.Ш., Е.М.) – ‘пугает’, кроме этого, говорят: *балует, блазнит, казьмитчö* – ‘кажется’, *прикашайтчö* – ‘мерещится’, *верзитчö* – ‘кажется’, многие из терминов аналогичны определениям явлений других мифологических персонажей» (Голева, 2011: 197).

На славянском материале эти специфические глаголы были подробно проанализированы в диссертации М. В. Ясинской. Она пишет, что в «русских диалектах набор глаголов обманчивого восприятия значительно шире, чем в литературном языке. <...> Мотивационные модели, по которым образуются подобные глаголы, достаточно разнообразны и отражают различные подходы к номинации данного фрагмента языковой картины мира» (Ясинская, 2015: 207).

Такие глаголы также частотны в текстах на коми-пермяцком языке, но почти все они являются заимствованными из русских диалектов, только один из них является исконным – это глагол *казьмётчыны* ‘напомнить о себе, дать знать о себе’. В современном языке он может употребляться и в прямом значении, не связанном с миром сверхъестественного: *ме тэныт мунікам казьмётча* «я тебе скажу, когда буду уходить» (КПРС, 1985: 162).

Душа может *казьмётчыны* «дать о себе знать, напомнить» родственникам, живущим отдельно, во время выхода из тела: *Нія казьмётчöны. <...> И сэт тайнö понді мунны, быгрётчан кыдз: тар-тар-тар-тар-тар тарөвтчис, некытчö эз усь. Сэтчö жö тайнö и, ой, шуа: «Мари сойö эз кө кув?!» Казьмётчис сэтшöма мейм Мари сойö. [Кин казьмётчö: мортыслөн ловыс или кин?] Ловыс, виднö. Ну. Öддьөн казьмётчö. <...> петас воыс, сэк казьмётчö сія (Они напоминают {о себе}). <...> По этому месту, оказывается, идти стала, как скалка тар-тар-тар-тар-тар прокатилась, никуда не упала. Тут же и, оказывается, ой, говорю: «Сестра Мария не умерла ли?!» Напомнила {о себе} так мне сестра Мария. [Кто напоминает о себе: душа человека или кто?] Душа, видимо. Да. Очень напоминает {о себе}. <...> выходит душа, тогда напоминает {о себе} она) (Конанова Куд., КПА). Отметим, что в этом тексте появление души умершего снова обозначается звуком – шумом, который издает катящаяся скалка.*

Помимо этого, одним из употребительных слов в данных контекстах является коми-пермяцкий глагол *прикашайтчыны* ‘причудиться, привидеться, померещиться (о призраках, видениях) *сылö по кинкö прикашайтчöм* «ему, говорят, кто-то причудился») (КПРС, 1985: 373). Некоторые тексты о появлении призраков можно соотнести с представлениями о душе *орт*, хотя сам информант не знает этого термина. Примечательно, что в устной коми-пермяцкой речи для описания персонажа, подобного душе *орт*, используется русское заимствование *образ*: *Ме петьишти <...> сiа тайнö угöлас пукалö, вот мамыс кыдз. Вот этадз керсьиштöм, и пукалö. Мамыслөн образыс, хозяиныслөн. <...> И через некоторое время сiа кулис. Вот этö уже <...> сiа шусьö: **прикашаччö** пö. [Сiя кин сэтöн вöли, ортыс сылөн?] Сiа вот сылөн, видимо, этаыс, кыдз сiö... образыс ли, кыдз сiа... ловыс ли. Шуöны тай или душаыс, может, уже... (Я вышла <...> она, оказывается, в углу сидит, как вот мать его. Вот так сделалась, и сидит. Образ его матери, мужа. <...> И через некоторое время она умерла. Вот это уже <...> это называется «**прикашаччö**» (т. е. кажется/мерещится), говорят. [Это кто там был, ее орт?] Это вот ее, видимо, этот, как его... образ ли, как это... душа ли. Говорят, оказывается, или душа, может, уже...) (Егорова Куд./род. Кочёво, КПА).*

В коми-пермяцких текстах также активно используется заимствованный из русского языка глагол *вержить* в нескольких фонетических вариантах, некоторые из них подаются в «Коми-пермяцко-русском словаре»: *вершйтчыны* II сев. ‘мерещиться, померещиться, чудиться’ (КПРС, 1985: 65), *вөржитчыны* (КПРС, 1985: 83), в диалектах также обнаруживаем глагол *вержитчыны* (Кочёво). Глагол *блзнитны* и его производные не попали в главный лексикографический источник – «Коми-пермяцко-русский словарь», однако он также фиксируется в коми-пермяцких диалектах. Безусловно, он является заимствованием из русского, ср. *блзнить* ‘казаться, чудиться’. В единичных контекстах встретились некоторые другие заимствованные глаголы, например, *кажитчыны* (от *казаться*), *явитчыны* (от *явиться*).

Выводы

При анализе корпуса нарративов о том, как коми-пермяки представляют душу, как она выходит из тела, как души умерших напоминают о себе родственникам, когда они могут приходиться к живущим, можно выделить два пласта лексических средств, используемых для вербализации этих представлений.

Во-первых, в исследуемых текстах активизируется большая группа ономастических средств. Невидимая душа проявляет себя разного рода шумами, поэтому используются многочисленные звукоподражания, исконные и заимствованные глаголы слухового восприятия (*гольöтны* ‘стучать’, *гольыны* ‘грохотать’, *камнитны* ‘ударить с силой’, *дзуркнитны* ‘скрипнуть’, *ёркнитны* ‘издать сильный грохот’, *стукнитны* ‘стукнуть’, *скрипнитны* ‘скрипнуть’ и др.). Подобные глаголы (и исконные, и заимствованные) часто образованы от звукоподражательных слов с помощью суффикса *-нит-*, он подчеркивает мгновенность, быстроту, неожиданность действия, которое выполняет душа, для окружающих.

Во-вторых, при появлении душ умерших, как и в других случаях проявления сверхъестественного, используется группа глаголов обманчивого восприятия. Эти глаголы, распространенные в русских диалектах, активно заимствуются коми-пермяками. Все глаголы со значением ‘мерещиться, чудиться’ *блзнитны*, *вержитчыны*, *вершйтчыны*, *вөржитчыны*, *прикашайтчыны* пришли из контактных пермских русских говоров. Только глагол *казьмётчыны* ‘напомнить о себе, дать знать о себе’ является исконным, при этом он имеет более конкретное значение и употребляется также и в прямом значении в контекстах, не связанных с миром сверхъестественного.

По всей видимости, основной причиной заимствования коми-пермяцким языком данной группы глаголов является их абстрактный характер, отвлеченность от конкретных звуковых проявлений, которыми описывается появление душ умерших в коми-пермяцком языке.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00484 «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении» (<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>).

Авторы выражают благодарность А. В. Кротовой-Гариной, Е. Л. Федосеевой, Ю. М. Юркиной за помощь в сборе и расшифровке диалектных материалов.

Источники с сокращениями:

КПА – Полевые материалы на коми-пермяцком языке, хранящиеся в лаборатории региональной лексикологии и лексикографии при кафедре теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривощёкова-Гантман. М., 1985. 624 с.

КЭСЯ – Лыткин В. И., Гуляев Е. И. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.

ПМ – Полевые материалы, собранные в рамках работы над проектом РНФ № 22-18-00484 «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении» в 2022–2023 гг.

СДКЯ – Коми сёрнисикас кывчукёр. Словарь диалектов коми языка: в 2 т. / под ред. Л. М. Безносиковой. Т. I: А–О; Т. II: Ö–Я. Сыктывкар: Кола, 2012.

ФДА ПГНИУ – фольклорный и диалектный архив филологического факультета ПГНИУ.

Литература:

Виноградова Л. Н., Гура А. В. Щекотка в свете славянской лексики и мифологии (полесские данные на общеславянском фоне) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16, № 1–2. С. 7–38.

Виноградова Л. Н. Звуковой портрет нечистой силы // Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М.: Индрик, 1999. С. 179–199.

Голева Т. Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. СПб.: Маматов, 2011. 272 с.

Климов В. В. Корни бытия. Кудымкар: Коми-Пермяцкое книжное издательство, 2007. 368 с.

Кривощёкова-Гантман А. С. Изобразительные слова // Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. Грамматика, диалектология, лексика и фразеология, проблемы развития языка. Пермь: ПГПУ, 2006а. С. 39–56.

Кривощёкова-Гантман А. С. Фразеология // Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. Грамматика, диалектология, лексика и фразеология, проблемы развития языка. Пермь: ПГПУ, 2006б. С. 188–205.

Лимеров П. Ф. Мифология загробного мира. Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 1998. 124 с.

Лимеров П. Ф. Кулёма // Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Мифология коми / науч. ред. В. В. Напольских. М.; Сыктывкар: Издательство ДИК, 1999а. С. 215–218.

Лимеров П. Ф. Лов // Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Мифология коми / науч. ред. В. В. Напольских. М.; Сыктывкар: Издательство ДИК, 1999б. С. 226.

Лимеров П. Ф. Орт // Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Мифология коми / науч. ред. В. В. Напольских. М.; Сыктывкар: Издательство ДИК, 1999в. С. 268–269.

Материалы по коми-пермяцкой демонологии / авт.-сост. А. В. Кротова-Гарина, Ю. А. Шкураток, А. С. Лобанова, С. Ю. Королева, И. И. Русинова; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2020. 168 с.

Налимов В. П. Загробный мир по верованиям зырян // Этнографическое обозрение. 1907. № 1–2. С. 1–23.

Панюков А. В. Фольклорная традиция Выми в жанрах несказочной прозы // Фольклористика коми. Региональные фольклорные традиции Европейского Северо-Востока и Зауралья в межкультурном контексте. Сыктывкар, 2012. С. 21–45.

Рочев Ю. Г. Традиционные представления об орте и их трансформация в современности // Традиции и современность в культуре сельского населения Коми АССР. Сыктывкар, 1986. С. 57–70.

Сорокин П. А. Пережитки анимизма у зырян // Наследие. 2011. № 1. С. 23–44.

Уляшев О. И. Кулём // Энциклопедия уральских мифологий. Т. 1. Мифология коми / науч. ред. В. В. Напольских. М.; Сыктывкар: Издательство ДИК, 1999. С. 214–215.

Чугаева С. В. Человек и смерть. М.: Триумф, 2015. 256 с.

Шляхова С. С., Лобанова А. С. Звукоизобразительность в коми-пермяцком языке. Пермь: ПГПУ, 2012. 297 с.

Ясинская М. В. Представления о глазах и зрении в языке и традиционной культуре славян: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 278 с.

Шкураток Юлия Анатольевна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Ул. Букирева, 15, Пермь, 614068.

E-mail: shkuratok@mail.ru

Матвеева Елена Михайловна.

Кандидат филологических наук, доцент.

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Ул. Сибирская, 24, Пермь, 614990.

E-mail: elenagordeeva2012@gmail.com

Материал поступил в редакцию 6 ноября 2023 г.

Yu. A. Shkuratok, E. M. Matveeva

ORIGINAL AND BORROWED VERBS INDICATING THE ENCOUNTER WITH THE SOULS OF THE DEAD IN THE KOMI-PERMYAK LANGUAGE

This article analyzes the Komi-Permyak ideas about the souls of the dead and their implementation in oral narratives, the use of Russian borrowings in the Komi-Permyak language. We have used the method of contextual analysis, which aims to describe linguistic features that reflect the links between the language and the culture of the Komi-Permyaks. The Komi adhere to the idea that man has two souls – *lov* and *ort*. The first is the inner soul, the soul breath that leaves the body at the time of death, the second is the outer soul, the shadow, the doppelganger of a person that can become visible before death. Modern Komi-Permyaks do not distinguish between two forms of the soul, although there are still stories about various harbingers of death, including doppelgangers. In addition to the original word *ort*, the word *urös* has also survived in various dialects: Among the Komi-Izhma, this word refers to a figure close to the *ort*; among the Kochevo Komi-Permyaks, it is used in texts about harbingers of death; among the Russified Onkovites, it is a spirit that appears before death. The soul of the deceased remains in the house until day 40 (six weeks). It manifests itself in various sounds, and the Komi-Permyak language has a developed system of onomatopoeic words. In addition, there are also Russian loan verbs meaning 'to imagine, to wonder' *blaznite*, *verzhitshyny*, *versishchyny*, *vörzhitchyny*, *prikashaytshyny*, as well as the original verb *kazmótshyny* 'to remember, to make oneself known'. The main reason for borrowing this group of verbs from the Komi-Permyak language is obviously their abstract character, the abstraction from concrete manifestations (mostly sound), which describe the appearance of the souls of the dead in the Komi-Permyak language.

Keywords: *Komi-Permyak language, ort soul, lov soul, onomatopoeia, imagining things*

References:

- Chugaeva S. V.** Chelovek i smert' [Man and Death]. Moscow, Triumph, 2015. 256 p. (in Russian).
- Goleva T. G.** Mifologicheskie personazhi v sisteme mirovozzreniya komi-permyakov [Mythological Characters in the Komi-Permyaks' Worldview System]. St. Petersburg, Mamatov Publ., 2011. 272 p. (in Russian).
- Klimov V. V.** Komi bytiya [The roots of being]. Kudymkar, Komi-Permyak book publishing house, 2007. 368 p. (in Russian).
- Krivoshchekova-Gantman A. S.** Frazеologiya [Phraseology]. Sobranie sochineniy v 2 tomakh. T. 1. Grammatika, dialektologiya, leksika i frazeologiya, problemy razvitiya yazyka [Collected essays in 2 volumes. Vol. 1. Grammar, dialectology, vocabulary and phraseology, problems of language development]. Perm, Perm State Pedagogical University Publ., 2006b. P. 188–205 (in Russian).
- Krivoshchekova-Gantman A. S.** Izobrazitel'nye slova [Onomatopoeic words]. Sobranie sochineniy v 2 tomakh. T. 1. Grammatika, dialektologiya, leksika i frazeologiya, problemy razvitiya yazyka [Collected essays in 2 volumes. Vol. 1. Grammar, dialectology, vocabulary and phraseology, problems of language development]. Perm, Perm State Pedagogical University Publ., 2006a, pp. 39–56 (in Russian).
- Limerov P. F.** Kulöma [Kulöma]. Entsiklopediya ural'skikh mifologiy. T. 1. Mifologiya komi [Encyclopedia of Ural mythology. Vol. 1. Mythology of the Komi] by ed. V. V. Napol'skikh. Moscow, Syktyvkar, DIK Publ., 1999, pp. 215–218 (in Russian).
- Limerov P. F.** Lov [Lov]. Entsiklopediya ural'skikh mifologiy. T. 1. Mifologiya komi [Encyclopedia of Ural mythology. Vol. 1. Mythology of the Komi] by ed. V. V. Napol'skikh. Moscow, Syktyvkar, DIK Publ., 1999, p. 226 (in Russian).

- Limerov P. F.** Ort [Ort]. Entsiklopediya ural'skikh mifologiy. T. 1. Mifologiya komi [Encyclopedia of Ural mythology. Vol. 1. Mythology of the Komi] by ed. V. V. Napol'skikh. Moscow; Syktyvkar, DIK Publ., 1999. P. 268–269 (in Russian).
- Limerov P. F.** Mifologiya zagrobnogo mira [Mythology of the underworld]. Syktyvkar, Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1998. 124 p. (in Russian).
- Materialy po komi-permyatskoy demonologii** [Materials on Komi-Permyak demonology: monograph] by A. V. Krotova-Garina, Yu. A. Shkuratok, A. S. Lobanova, S. Yu. Koroleva, I. I. Rusinova. Perm, Perm State University Publ., 2020. 168 p. (in Russian and Komi-Permyak).
- Nalimov V. P.** Zagrobnyy mir po verovaniyam zyryan [Afterlife Beliefs of the Zyrian People]. Etnograficheskoe Obozrenie, 1907, is. 1–2. P. 1–23 (in Russian).
- Panyukov A. V.** Fol'klornaya traditsiya Vymi v zhanrakh neskazochnoy prozy [Folklore tradition of Vymi in the genres of non-fairy tale prose]. Fol'kloristika komi. Regional'nye fol'klornye traditsii Evropeyskogo Severo-Vostoka i Zaural'ya v mezhkul'turnom kontekste [Komi folkloristics. Regional folklore traditions of the European North-East and Trans-Urals in an intercultural context]. Syktyvkar, Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2012. P. 21–45 (in Russian).
- Rochev Yu. G.** Traditsionnye predstavleniya ob orte i ikh transformatsiya v sovremennosti [Traditional ideas about orta and their transformation in modern times]. Traditsii i sovremennost' v kul'ture sel'skogo naseleniya Komi ASSR [Traditions and modernity in the culture of the rural population of the Komi ASSR]. Syktyvkar, 1986. P. 57–70 (in Russian).
- Shlyakhova S. S., Lobanova A. S.** Zvukoizobrazitel'nost' v komi-permyatskom yazyke [Sound imagery in the Komi-Permyak language]. Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University Publ., 2012. 297 p. (in Russian).
- Sorokin P. A.** Perezhitki animizma u zyryan [Remnants of animism among the Zyryans]. Nasledie [Heritage]. 2011, is. 1. P. 23–44 (in Russian).
- Ulyashev O. I.** Kulöm [Kulöm]. Entsiklopediya ural'skikh mifologiy. T. 1. Mifologiya komi [Encyclopedia of Ural mythology. Vol. 1. Mythology of the Komi] by ed. V. V. Napol'skikh. Moscow; Syktyvkar, DIK Publ., 1999, pp. 214–215 (in Russian).
- Vinogradova L. N.** Zvukovoy portret nechistoy sily [Sound portrait of evil spirits]. Mir zvuchashchiy i molchashchiy: Semiotika zvuka i rechi v traditsionnoy kul'ture slavyan [The sounding and silent world: Semiotics of sound and speech in the traditional culture of the Slavs]. Moscow, Indrik Publ., 1999. P. 179–199 (in Russian).
- Vinogradova L. N., Gura A. V.** Shchekotka v svete slavyanskoy leksiki i mifologii (polesskie dannye na obshcheslavyanskom fone) [Tickling in the light of Slavic vocabulary and mythology (Polesie data on a common Slavic background)]. Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii [The Slavic world in the third millennium]. 2021. Vol. 16, is. 1–2. P. 7–38 (in Russian).
- Yasinskaya M. V.** Predstavleniya o glazakh i zrenii v yazyke i traditsionnoy kul'ture slavyan. Dis. kand. filol. nauk [Ideas about eyes and vision in the language and traditional culture of the Slavs. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2011. 278 p. (in Russian).

Shkuratok Yuliya Anatol'evna.

Candidate of Philology. Assistant Professor in the Department of Theoretical and Applied Linguistics.

Perm State University.

Bukireva str., 15, Perm, Russia, 614990.

E-mail: shkuratok@mail.ru

Matveeva Elena Mikhailovna.

Candidate of Philology. Assistant Professor of the Department of Theory, History of Literature and Methods of Teaching Literature.

Perm State Humanitarian-Pedagogical University.

Sibirskaya str., 24, Perm, Russia, 614990.

E-mail: elenagordeeva2012@gmail.com